

М-50

ТБИЛИССКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи
УДК 9(64)

МЕНТШАШВИЛИ Заза Альбертович

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НЕЗАВИСИМОГО МАРОККО,
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Специальность - 07.00.03 - Всеобщая история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Тбилиси - 1988

Работа выполнена на кафедре новой и новейшей истории стран Азии и Африки и на кафедре истории средних веков Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Мирский Г.И.

доктор исторических наук Иванов Н.А.

доктор исторических наук Курдгелашвили Ш.Н.

Ведущая организация - Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова

Защита состоится "15" марта 1989 г. 14-00 час. на заседании специализированного совета Д 057.03.15 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, по специальности Всеобщая история, при Тбилисском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете, по адресу: 380028, Тбилиси, проспект И. Чавчавадзе I, ТГУ.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ТГУ по адресу: Тбилиси, проспект И. Чавчавадзе, I

Автореферат разослан "11" февраля 1989 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
доктор исторических наук,

профессор

К. Антадзе

К.Д. АНТАДЗЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Вступление человечества в ядерно-космический век повелительно требует отхода от представлений и взглядов доядерной эпохи, радикальной переоценки сложившейся ситуации, разработки и внесения нового политического мышления, основанного на всестороннем учете реальностей нашего времени. Принципы этого нового политического мышления, впервые сформулированные на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, нашли свое целостное выражение в документах и решениях XXVII съезда, XIX партийной конференции, последующих пленумов ЦК КПСС.

Как было отмечено на съезде, "новый, сложный и подвижный комплекс противоречий сформировался между империализмом и развивающимися странами и народами". Поэтому анализ современных тенденций в мировом капиталистическом хозяйстве и их влияние на экономическое развитие стран афро-азиатского региона по-прежнему остается одним из ключевых направлений ориенталистических исследований.

Еще недавно страны Магриба сотрясали политические и социальные движения, борьба партий, острые идеологические разногласия. В них в определенной мере находили свое выражение столкновения интересов различных классов и противостояние мировых систем, но суть их определялась борьбой за привилегии той или иной этнической группировки, борьбой, в которой присутствовал немалый элемент средне-
I Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, М., 1986, с. 16.

вековья. Развивающееся по капиталистическому пути Марокко — одно из этих государств, где борются между собой партии, выступающие с программами, претендующими на выражение интересов тех или иных социально-классовых коалиций. Они нередко оказываются конгломератами группировок, имеющих самые разные, чаще всего узкоэгоистичные интересы. В их деятельности сохраняют значение патриархально-феодалные методы обеспечения верности.

В социально-политической жизни современного Марокко огромную роль играют традиции. "Традиционный фактор" — понятие чрезвычайно емкое и многозначное. Для марокканского общества, как и для других стран Азии и Африки, оно включает и уровень социального бытия, и уровень общественного сознания, и сохранение пережиточных форм эксплуатации докапиталистического типа, племенных структур, элементов добуржуазной политической культуры, стереотипов традиционного сознания. Одна из осевых линий идейной борьбы в Марокко связана с проблемой синтеза традиционного и современного. И хотя за последнее время в отечественном востоковедении традиционному фактору стало уделяться большое внимание, все же его недооценка нередко еще встречается в исследованиях советских авторов. Одни преувеличивают степень социально-экономической и классовой дифференциации восточных обществ, подходят к анализу политических институтов современного Востока — партий, парламентов, государственных учреждений и т.д. — по меркам и образцам развитых стран, односторонне оценивают традиционный фактор, лишь как тормоза модернизации афро-азиатских стран. Неоколони-

сты готовы принять любые формы традиции, лишь бы они, с одной стороны, не мешали установлению буржуазных порядков, а с другой — служили бы духовным оружием против "угрозы коммунизма". Как видим, проблема традиционного фактора в современных странах Азии и Африки и, в частности, Марокко является весьма широкой, не простой, диалектически противоречивой. Одно это подчеркивает не только практическое, но и теоретическое значение выбора темы исследования, посвященного синтезу традиций и современности в социальном развитии.

Предмет исследования. Представленная к защите диссертация является комплексным исследованием социально-политического развития современного Марокко. Наш выбор пал на Марокко не случайно. Как одна из арабских стран Магриба, оно сочетает в себе черты минувшего и нынешнего. В его жизни традиции и современность четко просматриваются во всем: в формах хозяйствования и производственных отношений, в государственном и политическом строе, этносоциальной и культурно-лингвистической проблематике. Все это представляет большой интерес для исследователя, особенно для изучающих вопросы этногенеза и формирования культуры, социально-классовой и политической борьбы, так как из всех стран Магриба Марокко отличается наибольшей этнической и культурной пестротой, наиболее оригинальным сочетанием устойчивых историко-политических традиций и последовательно проводимой государственными институтами экономической, технической и социально-психологической модернизации. Кроме того, в этой относительно развитой по афро-азиатским меркам аграрно-промышленной стране — имеются и необходи-

мость и условия и возможность для социальных преобразований. Есть в королевстве также классовые и политические силы, прямо в них заинтересованные и способные их провести. Тут же следует заметить, что поражало подчас исследователей разница между объективной значимостью и субъективным бессилием того или иного класса или социальной группировки, участвующей в жизни современного марокканского общества. Если к сказанному добавить, что социальное развитие независимого Марокко в его комплексном охвате до сих пор не являлось объектом специального исследования, то научный интерес и значимость избранной для разработки темы выступают еще более четко.

Определение историко-хронологических рамок исследования периодом от античности до наших дней диктовалось необходимостью проследить становление традиций, исторически складывавшихся особенностей и укладов марокканского общества, четче выделить их удельный вес в современной жизни королевства. На протяжении по крайней мере двух тысячелетий страна играла роль перекрестка, где встречались разные народы, культуры и цивилизации. В Марокко издавна возникло деление на горную и равнинную части, которое имело не только географическое и экономическое, но и социальное и политическое значение. И если "равнинное Марокко" всегда более чутко отзывалось на веление времени, новые формы жизни и порядка, то "горное Марокко" продолжало оставаться непокорной "страной львов", хранившей старинные традиции и былые заветы.

Режим протектората и охватившее всю страну националь-

но-освободительное движение, а также различные технико-экономические и культурно-политические влияния извне во многом нарушали этот дуализм. Но полностью он не исчез до сих пор. Это находит выражение и в сохранении берберами племенного деления в горных районах и в соперничестве противостоящих друг другу различных социокультурных группировок типа "фаси", "суси", "рбати" и др.

Теоретической и методологической основой исследования явились труды основоположников марксизма-ленинизма. Материалы XXVII съезда КПСС, Программа Коммунистической партии Советского Союза (новое издание), а также отдельные положения по актуальным аспектам национально-освободительного движения, выдвинутые в выступлениях руководящих деятелей КПСС и Советского государства.

Для понимания роли колоний и становления капиталистического способа производства, для уяснения механизма и структуры колониальной политики Франции в доимпериалистической эпоху весьма важное значение имеют труды К. Маркса "Капитал", "Британское владычество в Индии" и другие.

В марокканском обществе капитализм достаточно глубоко укоренился, однако он здесь был особым, непохожим на европейский и североамериканский. В этой связи стоит вспомнить слова К. Маркса о том, что "один и тот же экономический базис... благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д. -- может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и традиции, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпири-

чески данных обстоятельств"¹.

Огромную помощь в исследовании причин и движущихся сил национально-освободительного движения в Марокко оказали труды В.И.Ленина по империализму и национально-колониальному вопросу: "Империализм, как высшая стадия капитализма", "Тетради по империализму", а также его доклады по национальному и колониальному вопросам, сделанные на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока и на конгрессе Коммунистического Интернационала. Во всех этих работах дается глубокий анализ империалистической политики, борьбы за раздел и передел мира между крупными империалистическими державами и монополиями, исследуются проблемы антиимпериалистического и национально-освободительного движения колониальных народов, его места в мировом революционном процессе. Ставшая первой континентальной державой в Европе Франция, — по определению В.И.Ленина, — являлась "финансовой олигархией"².

Цель и задачи исследования. Целью представляемой к защите диссертации явилось конкретно-историческое исследование особенностей социального развития независимого Марокко в его эволюции и их влияния на современное политическое положение страны. Исходя из этого в качестве главных задач по отдельным главам исследования были выделены следующие:

— исследовать причины феодальной раздробленности и политического упадка Марокко в XVIII—XIX вв.;

1. Маркс К. Капитал, т. III. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинение, изд. 2-е, т. 25, ч. II, с. 354.

2. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 281.

— изучить французскую социальную политику в период протектората и охарактеризовать социальный облик Марокко накануне достижения независимости;

— показать как взаимодействуют в социальном развитии Марокко традиция и модернизация, старое и новое;

— выявить место и роль местных племен и национальной буржуазии в социально-политическом развитии марокканского общества;

— исследовать главные факторы, определявшие социальное развитие, независимого Марокко и проанализировать сдвиги, происшедшие в социальной структуре и производственных отношениях в стране в годы независимости;

— показать глубокую пропасть между традиционными и современными методами производства, а также между старыми и новыми социальными отношениями;

— раскрыть причины ухудшения экономического положения трудящихся, возникших в стране демографических проблем и в целом социально-политического положения в Марокко;

Разработанность темы и источниковедческая база. При комплексном исследовании общественно-экономической эволюции независимого Марокко основное внимание уделялось изучению тех вопросов, которые все еще не разработаны или малоразработаны. Это прежде всего проблемы социального развития Марокко на современном этапе.

Основу источников и информационно-статистической базы диссертации составили прежде всего официальные марокканские и международные издания. Среди них следует отметить следующие: "Ежегодники политики"¹, "Ежегодники Африки и Среднего

1. L'Année politique 1955. p., 1956

Востока"¹, "Ежегодник Северной Африки"², "Статистический ежегодник Марокко"³, "Обзор торговой палаты и индустрии в Рабате; Сале и их окрестностей"⁴, "Потребление и расходы хозяйств марокканских мусульман". Результаты исследования (1959-1960)"⁵, "Политическое развитие Магриба"⁶, "Экономическая координация и хозяйственное деление. Трехлетний план 1965-1967"⁷, "Проблема создания рабочих мест и политика в развивающихся странах", "Марокканский вариант"⁸, Экономическое развитие Марокко в рамках второго четырехлетнего плана"⁹, "Трудовое Марокко. Министерство труда и социальных проблем"¹⁰, "Пятилетний план. 1960-1964"¹¹, "Пятилетний план 1973-1977"¹², "Аграрный вопрос в Марокко", т. II¹³, "Обзор национальной обороны"¹⁴, "Обзор права, политики и экономики Марокко"¹⁵, "Экономическое положение в Марокко в 1959 г."¹⁶,

1. Annuaire de l'Afrique et du Moyen Orient. P., 1979.
2. Annuaire de l'Afrique du Nord. Aix-en-Provence, 1971.
3. Annuaire statistique du Maroc, Rabat, 1970-1981.
4. Attanmya. Revue de la Chambre de commerce et d'industrie de Rabat -Sale et leur region, 1978, N 1.
5. La Consommation et les dépenses des ménages marocains musulmans (résultats de l'enquête 1959-1960). Rabat, 1961.
6. Developments politiques au Maghreb. P., 1979.
7. Economic Co-ordination and Planning Division. Three Year Plan 1965-1976. Rabat, 1965.
8. Employment Problems and Policies in Developing Countries. The Case of Morocco. Rotterdam, 1976.
9. L'évolution économique du Maroc dans le Cadre du Deuxieme Plan Quadriennal (1954-1957). Casablanca, 1958.
10. Le Maroc au Travail. Ministère du travail et des questions sociales. Rabat, 1960.
11. Plan quinquennal 1960-1964. Ministère de l'économie nationale. Rabat, 1960.
12. Plan quinquennal 1973-1977. Le développement industriel. Rabat, 1978.
13. La question agraire au Maroc. Vol. II. Tanger, 1977.
14. Revue de defense nationale. P., 1956, N 12.
15. Revue juridique, politique et économique du Maroc. Rabat, 1982.
16. La situation économique du Maroc en 1969, Rabat, 1960.

"Экономическое положение в Марокко в 1969 г."¹, "Статистика сельского хозяйства"², "Статистика внешнего обмена в 1971-1981 гг."³, "Экономическая таблица Марокко 1915-1959 гг."⁴, "Доклад миссии МБРР по просьбе правительства Марокко"⁵, "Ежегодник трудовой статистики"⁶ и т.д. и т.п.

Кроме того в ходе работы над исследованием были привлечены также статистические и фактические данные, опубликованные в зарубежных общественно-политических и экономических журналах ("Африк Ази", "Африк индустри инфраструктур", "Бюллетенъ биместриель д'энформасьон", "Бюллетен оффисьел", "Экономи в политик", "Жен Африк", "Джорнал оф Коммерс", "Ле Марок Агриколь", "Ла Ви экономик", "Ле Журналь де Танже", "Нью Африкан", "Миддл Ист Джорнал", "Муслим Уорлд".

Значительное внимание в диссертации уделено формированию особенностей и традиций общественной жизни Марокко, которые в дальнейшем оказывали и продолжают оказывать влияние на характер и специфические формы проявления политических событий в стране. Изучение и анализ периода протектората Франции и Испании над Марокко строится в привлечением первоисточников и многих важных документов французской и испанской администраций, в том числе таких материалов, как мемуары,

1. La situation économique du Maroc en 1969. Rabat, 1970.
2. Statistiques agricoles. Rabat, 1975.
3. Statistiques des échanges extérieures du Maroc. Special. Rabat, 1971-1981.
4. Tableaux économique du Maroc. 1915-1959. Rabat.
5. The Economic Development of Morocco, Report of a Mission Organized by the International Bank for Reconstruction and Development at the Request of the Government of Morocco, Baltimore, 1966.
6. Yearbook of Labour Statistics, 1974, Geneva, 1974.

и другие произведения знаменитого французского колонизатора в Магрибе маршала Юбера Лиотэ, самого известного генерального резидента Франции в Марокко. Применяя теорию научного социализма к конкретным особенностям марокканской действительности, автор более критически старался подойти к изложению истории Марокко чем такие его предшественники как француз Ш. А. Жюльен, даже - чем работающие в Марокко исследователи марксисты А. Аяш и Ж. Аяш. Автор старался при этом дать более взвешенные и продуманные оценки многим явлениям, стремясь избежать односторонних подходов, неточностей и "европоцентристских" искажений, свойственных западной историографии, в том числе - знакомой с марксизмом.

Политическая жизнь Марокко в годы независимости не является темой данной работы. Она была предметом изучения в трудах Н. С. Луцкой, В. И. Максименко, В. Г. Расницына, Л. Л. Фитуни¹. Вместе с тем эти работы, как и некоторые другие, о которых речь пойдет ниже, содержат определенный материал по интересующей диссертанта теме, предоставляя в его распоряжение соответствующие факты, идеи и выводы, послужившие диссертанту отправной точкой для выработки его собственных отдельных концепций и рабочих гипотез, а также подтвердившие многие личные наблюдения диссертанта в период его пребывания в Марокко. Современное марокканское общество можно определить как развивающееся и переходное, т.е. находящееся в процессе эволюции от одной формации к другой, в данном случае от феодализма к капитализму, что не снимает вопроса о наличии в стране и других общественно-экономических укладов и форм социальной жизни.

1. Н. С. Луцкая. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973; В. И. Максименко. Политические партии в переходном обществе: Марокко, Алжир, Тунис. 20-80-е годы XX в. М., 1985; В. Г. Расницын. Марокко на рубеже двух эпох. М., 1983; Л. Л. Фитуни. Марокко, М., 1985

Как представляется, для анализа проблема капитализма его особенностей и его социального контекста в Марокко, короче - его "эмпирических данных обстоятельств", много сделал видный экономист и социолог, известный деятель коммунистического и рабочего движения Марокко, возглавлявший до своей смерти в 1982 г. Ассоциацию марокканских экономистов, член Политбюро ЦК КПС Абд аль-Азиз Беляль¹. Он изучал причины слаборазвитости и многоукладности во всех странах Магриба в общем русле политики империализма, в том числе ее изощренных неоколониалистских модуляций в Марокко, уже завоевавшем политическую независимость.

Становление капитализма в Марокко имеет социально-политический аспект. В рамках разработанной советскими учеными концепции синтеза традиционного и современного на различных этапах истории, подвергнуты всестороннему анализу переходные фазы развития, отличающиеся в Марокко переплетением и сосуществованием формационно разнородных структурных элементов и в базисе, и в надстройке марокканского общества. Такой методологический подход позволил объяснить многие черты современного этапа социально-политической эволюции Марокко. В диссертации специально изучению подверглись в данной связи различные классы и слои современного марокканского общества: пролетариат, буржуазия, интеллигенция, низшие городские слои, правящая элита, крестьянство.

1. Belal A. Developpement et facteurs non-économiques, Rabat, 1980.

Для многих работ западноевропейских буржуазных авторов, прежде всего французских характерны апологетика французской колониальной политики, "благотворного" влияния Франции на общественно-экономическую жизнь Марокко, восхваление роли колониальной администрации, экспертов и советников. Так, например, Ле Турно характеризует французского резидента Лиота как "эстета, влюбленного в старое Марокко и решившего его сохранить", как "человека действия", и наконец, как "аристократа, выступавшего за модернизацию сверху". Деятельности Лиота как образцового колониального проконсула посвящена на западе богатая литература (А. Мауро, С. Катроу, Ж. Дрен, Д. Риве).

Автор столкнулся со значительными трудностями при проведении анализа социальной структуры современного марокканского общества, особо при выделении мелкой буржуазии и интеллигенции, т.к. и марокканские статистические источники, и подавляющее число монографий буржуазных авторов не оперируют этими категориями.

В работе особое внимание уделено изучению этнонациональной ситуации, а именно берберского вопроса^I и проблемы племен, которые являются опорами традиционных структур марокканского общества. Без решения берберского вопроса и проблемы племен совместить традиционализм и модернизм в Марокко правящему дому вряд ли удастся. В то же время на их примере наиболее четко выступает взаимосвязь традиционного наследия с насущными социальными, экономичес-

I. Если в Алжире и Тунисе в численном отношении доминируют арабы, то в Марокко большинство (60 %) составляют берберы.

кими, кадровыми, политическими, административными и культурными аспектами современной жизни Марокко.

В период протектората французские колониальные власти рассматривали Марокко как своего рода экзотический "национальный заповедник". Один из французских авторов Ж. Берк писал о марокканских берберах: "Эти племена являются как бы нашей секвойей. Наши берберы пусть остаются милыми дикарями, достойными любви и уважения, для которых предел мечтаний - получить галуны унтер-офицера"^I.

Контакты, конфликты и различные формы совместного участия арабов и берберов в общественно-политической и экономической сферах деятельности являются предметом пристального изучения современной буржуазной исторической и социологической науки.

Среди наиболее серьезных работ, затрагивающих арабо-берберские отношения, следует назвать исследования Э. Джелнера, Ч. Мико, П. Розена, К. Брауна, Д. Седдона, О. Марэ, которые концентрируют свое внимание на арабо-берберских противоречиях и исторических связях в Марокко, а также на роли и месте берберов в общественно-политической жизни этой страны.

В своих трудах Э. Джелнер, Ч. Мико, А. Розен доказывают не только одновременное существование, но и взаимозависимость двух лингвистических групп, как арабской, так и берберской. По их мнению, ни одна из них не функционировала и не существовала сама по себе, без тесного взаимодействия друг с другом. Однако в арабской группе диалектов существует

I. Berque J. Le Maghreb entre deux guerres, Paris, 1962, с. 229.

единство, основанное на общей связи с письменным классическим арабским языком и религией. В берберской группе нет ничего похожего. У берберов существует по мнению упомянутых авторов, лишь общность религии — ислам, что не вполне точно (в алжирской области Кабилии есть берберы-католики). Для берберов характерно также употребление арабского языка как языка литературы, письменного общения, религии и общественной жизни.

Большинство авторов, о которых идет речь, таких например, как К. Браун, Д. Седдон, О. Марэ, консерватизм и известную сдержанность в берберском обществе объясняют тем, что представление о мире у северо-африканских народов формируется исключительно на основе ислама. В статьях Е. Бурке, Э. Алпорта, Ч. Мико, Ч. Стюарта констатируется, что все не связанное с исламом познается берберами только через те категории, которые создал ислам. По их мнению, сознание североафриканских народов вообще не выходит за рамки ислама. В доисламский период оно характеризует не их и не отождествляется с ними, даже если бы при этом к их племенной генеалогии добавлялись легендарные предки.

Марокканский ученый — социолог, Абдассалам Бен Каддур, один из авторов сборника "Арабы и берберы", замечает, что элементы народной жизни заново интерпретируются в мусульманских законах. Элементы народной культуры, которые не являются чисто исламскими, могут и не быть доисламскими. Это мнение разделяют историки И. Николацен и Э. Смит.

Э. Джелнер и Дж. Уотерберги отмечают, что берберы представляют угрозу для арабов как "объединенные в племена", как

"берберы вообще", а не как "говорящие на непонятном языке". В основе этого лежит неподчинение и дерзость берберов центральному правительству — Махзену и на протяжении всей истории Магриба, начиная от завоевания его арабами.

Бербер, который верит в свое арабское происхождение, просто не интересуется вопросом, почему он говорит на берберском, а не на арабском языке. Таково мнение Д. М. Харта, Л. Ж. Дюкло, Р. Е. Данна. В частности тот факт, что берберы являются автономным населением Северной Африки, предшественниками арабов и ислама, широко не афишируется среди берберов. Они ассоциируют себя с тем или иным племенем в полностью исламском мире, а не с лингвистически обособленной этнической группой.

В трудах названных буржуазных авторов недостаточно освещена "берберская политика" французских колониальных властей, заключающаяся в стремлении воспитать из берберов прислужников колонизаторов, противопоставить их арабскому населению, наращивать их влияние на внутреннюю политику Марокко. Последствия такой политики ощутимы и сегодня. А. Амун, Ж. Угтур, Р. Бидуелл стараются скрыть многочисленные факты арабо-берберской совместной борьбы против французского и испанского колониального режима со дня установления протектората до достижения Марокко независимости. А. Адам, О. Марэ, Ж. Фавре, М. Лахбаби умалчивают о том, что французская администрация старалась помешать развитию национальной марокканской буржуазии с помощью подкупленных ею и преданных ей племенных вождей.

В работах Абд аль-Кабира Хатиби, А. Раджаба, А. Асса

процессам, происходящим в Марокко в новейшее время. В этом отношении значительный интерес представляют вышедшие за последнее время работы таких авторов, как Абдеррахим Бенсар, С. Амин, Н. Будербал, А. Шеркави, Х. аль-Мальки, М. Бен Барки, Ф. Уалалу, М. Лахбаби, касающиеся вопросов расселения и социальной организации берберских племен и содержащие богатый фактический материал по этой и другим темам. Большинство их не содержат научного анализа и не дают оценки тем социальным сдвигам, которые произошли в жизни марокканского племени за последние 50 лет.

Из названных трудов по фактическому материалу наибольшую ценность представляют для нас книги Ф. Уалалу "Очерки марокканской экономики", Н. Будербала "Аграрный вопрос в Марокко" и Ахмеда Шеркави "Социально-экономические показатели Марокко", которые хронологически непосредственно касаются исследуемого периода. В отличие от других авторов, они делают попытку объяснить причины роста социально-экономических противоречий и все усиливающегося процесса имущественной дифференциации внутри марокканских племен. Однако, оставаясь до конца в плену немарксистской методологии, они не могут сделать правильные выводы из ими же приведенных фактов.

Вместе с тем следует констатировать редкое обилие нелестных и необъективных оценок того или иного марокканского руководителя в буржуазной западной, прежде всего американской литературе. Ее авторам нет дела до действительной роли того или иного марокканского правителя в истории страны. Их задача — представить этих борцов за единство страны и за изгнание из ее пределов иноземных захватчиков в виде неве-

жественных и кровожадных варваров. Так, например, американский историк Гейван Максвелл пишет, что султан Марокко в XVII в. Мулай Исмаил, бывало, шпагой отрубал голову своему рабу, державшему стремя, когда он садился на коня, или убивал нескольких солдат из своей негритянской гвардии... устраивал публичные пытки, чтобы пощекотать свои нервы¹. Труды подобных авторов, как и тех, чьи работы написаны с позиции воинствующего колониального шовинизма представляют интерес только благодаря обильной документации и значительному фактическому материалу, позволяющим восстановить истинную картину событий, часто — вопреки субъективным намерениям того или иного автора.

Научная новизна. В представленной диссертации впервые проанализированы совокупность исторически сложившихся традиций и особенностей социально-политического строя одной из арабских стран Магриба — Марокко. Рассмотренный сквозь призму исторической эволюции социальный и политический строй королевства, выглядит как искусный сплав (иногда — синтез, иногда — симбиоз) традиций и современности. Данная работа фактически является первым советским исследованием сосуществования, стыковки и совместной трансформации традиционных и современных структур марокканского общества. Новизна работы заключается еще и в том, что в ней показаны истоки современной теории взаимозависимости развитых капиталистических и развивающихся стран, сопоставляются особенности развития Марокко с эволюцией восточного общества в целом,

1. Maxwell G. Lords of the Atlas: the Rise and Fall of the House of Glaoui, 1893-1956. N.Y., 1966, 29.

впервые подробно рассматривается план равномерного развития экономических районов страны, отмечаются создание этих экономических районов и попытка децентрализации промышленности и организации новых промышленных зон, характеризуется влияние этой попытки на социальное развитие отсталых районов. И наконец, в советской востоковедной литературе до сих пор еще систематически не проанализирована история Марокко с древнейших времен до наших дней, т.е. не определены ее специфика и особенности в период от возникновения первых опорных пунктов финикийцев на североафриканском побережье, до достижения Марокко независимости в 1956 г. Никто не делал также попытки серьезно разработать научную периодизацию истории страны. В диссертации имеет место такая попытка, осуществленная в первую очередь в целях проследить генезис исторических традиций социальной жизни в Марокко.

Научно-теоретическая значимость диссертации прежде всего заключается в том, что впервые в литературе сделана попытка рассмотреть формационное развитие Марокко от античности до наших дней под единым углом зрения — синтеза традиций и современности. Избрав метод конкретно-исторического описания, автор постарался обнажить живую, изменчивую ткань социальных явлений, обозначаемых абстрактными понятиями "традиционное" и "современное". Кроме того, изучение более чем тридцатилетнего опыта функционирования в монархическом Марокко буржуазных политических институтов, сочетания различных форм социальной и политической борьбы, а также их переплетения со своеобразным комплексом этнических противоречий может внести важный вклад в понимание общего и

особенного в историческом развитии Марокко и других молодых государств Азии и Африки, закономерностей формирования политической надстройки и динамики социально-классовых процессов в этих странах, особенно в развивающихся по капиталистическому пути. Научная значимость представленного исследования определяется еще и тем, что как история Марокко, прослеженная в нем, так и социально-экономические проблемы этой страны, проанализированные диссертантом, во многом типичны и для других стран арабского мира, отличающихся, как и Марокко, пестротой социальных укладов и связей, общественных отношений и классового состава населения.

Практическое значение исследования прежде всего состоит в том, что его материалы и выводы могут представить интерес для советских организаций, министерств и ведомств, занимающихся отношениями СССР с Марокко и другими странами Магриба (МИД, МВЭС), внешней пропаганды и информации, а также заинтересованных общественных организаций (ССОД, СКСНАА, СК В.М. и другие). Кроме того результаты исследования могут быть полезными и для советских африканистов, арабистов, а также экономистов и социологов, разрабатывающих вопросы социального развития стран Азии и Африки, и в частности арабских стран. Наконец результаты исследования могут быть использованы при составлении спецкурсов для студентов факультетов истории и востоковедения вузов страны.

Апробация работы. Диссертационная работа представлена в виде отдельной монографии — "Социальное развитие независимого Марокко. Традиции и современность (Изд-во "Наука", ГРВИ, М., 1988, 259 с. — 18,5 п.л.). Тема диссертационной работы

утверждена на заседании кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки 2 июня 1986 г. и на заседании научного совета факультета истории ТГУ 24.09.1986 г. Точка зрения автора по проблеме, основные положения и выводы диссертационного исследования получили отражение в публикациях – монографиях, разделах коллективных монографий, статьях и сообщениях в научных сборниках и журналах. Были опубликованы положительные отзывы на некоторые работы диссертанта.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук на совместном заседании кафедр истории средних веков и новой и новейшей истории стран Азии и Африки ТГУ 16 сентября 1988 г.

Структура и основное содержание работы. Работа состоит из введения, пяти глав и заключения. К ней прилагается список использованной литературы, а также именной и географический указатели.

Во введении – "Страна и Народ" – подчеркивается актуальность темы работы, характеризуется объект исследования, определяется цель и основные задачи, выявлены условия и возможности для социальных преобразований в стране.

В первой главе диссертации – "Страницы истории" характеризуются основные этапы исторической эволюции Марокко в эпоху античности, в средние века и новое время, выявлены особенности периода развитого феодализма в Марокко в XI–XVI вв., исследованы предпосылки и причины феодальной раздробленности, политического упадка и проникновения европейцев в страну, что привело в конечном счете к утере независимости.

Античная история Марокко прослеживается на фоне многовековой борьбы, которая шла за Западным Средиземноморье между

греками и финикийцами, населявшими север Африки и Сицилию. В V в. территория ее была оккупирована вандалами, а в VI в. византийцами. Положение коренным образом изменилось после прихода в VII в. арабов, которые вытеснили византийцев и соединили все североафриканские территории к Арабскому халифату.

В середине VIII в. западный Магриб, охваченный движением хариджитов, откололся от Дамасского халифата, однако страна осталась частью арабо-мусульманского мира. С конца VIII в. Идрисиды закладывают основу государственности в Дальнем Магрибе, которую еще более упрочили представители шиитской династии Фатимидов. Территориальное расширение нового государства начинается в период правления Альморавидов и Альмохадов, которых сменила во главе государства династия Меринидов, царствовавших формально до 1465 г. Мериниды не только не смогли остановить христианскую реконкисту на Иберийском полуострове, но не удержали от агрессии и сам Магриб.

Бессилие последних Меринидов в борьбе с католической экспансией (помимо кастильцев и португальцев на Дальний Магриб нападали также генуэзские и каталонские корсары) вызвало недовольство во всех слоях населения и способствовало выдвижению к власти их родственников Ваттасидов, вместе с ними пришедших из Сахары и обосновавшихся в области Риф.

Эпохой Меринидов и Ваттасидов завершился многовековой период развитого феодализма в Дальнем Магрибе, длившийся примерно с XI до XVI вв. За эти шесть столетий оформились многие важные особенности магрибинского, в частности, марокканского общества. Большинство их сохраняет значение и сейчас. Именно в эти бурные столетия происходила арабизация страны, ранее

затрагивавшая лишь отдельные города и реже сельские районы, к ним примыкавшие.

В конце XVIII—начале XIX в. центральная власть в стране вновь ослабла. Представителю Алауитской династии султану Мулаю Слиману (1792—1822 гг.) пришлось вновь первые четыре года правления отстаивать престол в борьбе со своими братьями. Одновременно ему пришлось вступить в затяжную войну с берберскими племенами Среднего Атласа, которая продолжалась и при его преемниках в течение всего XIX в.

Однако не следует считать Марокко XIX в. страной исключительно сельской, где племенам принадлежала решающая роль. Их значение было велико в политической борьбе и в сопротивлении патриархально-общинного строя деревни, разрушавшей его власти "махзена". Но в экономике все большую роль начинали играть города, особенно Фес и Марракеш, население которых в начале XIX в. превышало 100 тыс. человек. Треть горожан занимались ремеслами, остальные были торговцами, чиновниками, военнослужащими, служителями культа, моряками, владельцами гостиниц (фундуков) и т.п. Но развитие городов тормозилось отсталостью и бедностью деревень, а также ограниченностью связей с Европой, закрывшей свои порты для торгового флота Марокко.

Логическим следствием целой серии кабальных договоров, заключенных Марокко с 1836 по 1865 гг. со многими странами Европы и с США, согласно которым иностранцы получали различные права и преимущества, в том числе право экстерриториальности, явилось финансовое закабаление страны.

Одновременно шла дипломатическая подготовка империалистического захвата Марокко. В 1902 г. Италия отказалась от своих притязаний на эту страну в обмен на согласие Франции с ус-

тановлением итальянского господства в Триполитании. В 1904 г. Франция заключила соглашение с Англией и Испанией, получив свободу действий на большей части территории Марокко при условии согласия на такую же "свободу рук" Англии в Египте, а Испании — на севере Марокко. Англия не хотела делить контроль над Гибралтарским проливом с Францией и специально оговорила переход севера Марокко, т.е. южного побережья пролива, под власть менее опасной для англичан Испании. Для полной гарантии британских интересов (а также союзников Англии) в особую международную зону выделялся Танжер, непосредственно расположенный напротив Гибралтара.

Вторая глава диссертации — "Борьба за независимость" — посвящена детальному рассмотрению исторического развития Марокко и его борьбы за возрождение суверенитета. Основная цель этой главы прежде всего показать глубокие корни традиционных общественных структур в Марокко, сложно и запутанно соотносящихся с современными формами организации общества и производства.

Привлекая новые, ранее неиспользованные материалы, автор подробно освещает ход антиколониального движения в Марокко в первые годы протектората. Им выявлены также новые данные, свидетельствовавшие о намерении испанских властей, считавших себя обделенными при грабеже Марокко, с помощью Германии осуществить новый передел Марокко к своей выгоде.

Во французской буржуазной историографии бытует концепция, сводящая истоки сопротивления марокканцев французскому колониализму исключительно к проискам немецкой агентуры, забывая о том, что влиятельные марокканские феодалы (Абд аль-Малик, ар-Райсуни, аль-Хиба, эш-Шинкити и другие) стремились исполь-

зовать межимпериалистические противоречия с целью сохранить независимость страны или по крайней мере автономию возглавляемых ими областей.

Конец 20-х годов характеризовался небывалым распространением среди городской элиты Марокко профранцузских и вообще прозападных иллюзий, посеянных в 1912-1926 гг. хитроумной политикой французского генерального резидента Лиоте. Жажда приобщения к западной цивилизации и ее преимуществам доводила некоторых представителей молодого поколения марокканской буржуазии до разрыва с исламом и обращения в католицизм. В этой политике особая роль отводилась миссионерам.

И хотя предпринятая новым генеральным резидентом Люсьеном Сэном попытка дальнейшей "деисламизации" страны вызвала бурные протесты, ему все же 16 мая 1930 г. удалось добиться подписания печально знаменитого "берберского" дахира. Согласно этому указу берберские племена должны были управляться в соответствии с их законами и обычаями. Поскольку к 1930 г. все берберские племена были интегрированы в систему административного контроля колонизаторов, тактика последних сводилась к тому, чтобы всячески подчеркивать отличия берберов от арабов, прежде всего в области судопроизводства, языка, быта, системы образования и т.п. Поощряя прозападные настроения и иллюзии среди городской верхушки, они одновременно сохраняли разделенность Марокко на враждебные друг другу части. И если ранее это были "билад аль-махзен" и "билад ас-сибаа", то после их подчинения колонизаторам линия раздела должна была пройти между арабами и берберами, причем не только в культурно-лингвистическом отношении.

Сохранение у берберов племенной структуры (в то время как у арабов она совсем исчезла в городах и формально сохранилась

кое-где, да и то лишь в рудиментарном виде, в сельской местности) предопределило и ряд социальных отличий: значительную в большинстве случаев решающую роль племенной знати, более серьезное значение патриархально-клановых связей (в том числе в экономической жизни); господство у берберов обычного права (адата) над кораническим (шариатом); некоторые особенности института брака и образа жизни у берберов прямо вытекающие из условий существования в горах, консервации традиционных форм скотоводства и земледелия, исключительной прочности кровнородственных связей.

Испанская зона ставшая с 1936 г. базой мятежа генерала Франко против республики, вскоре была вовлечена в борьбу Италии и Германии против Англии и Франции за гегемонию в Средиземном море. С началом второй мировой войны германо-итальянский контроль над зоной постепенно распространился на все Марокко. Конец этому положил англо-американский десант в Марокко в ноябре 1942 г. В условиях разгрома фашизма и его местных прихвостней англо-американцы вынуждены были, несмотря на сопротивление французской администрации, пойти на некоторую "либерализацию" внутренней жизни страны. Допустив возрождение националистического движения в Марокко, США надеялись в дальнейшем прибрать его к рукам и укрепить тем самым свои позиции в стране.

Первые годы после окончания второй мировой войны были временем некоторого смягчения колониальной политики Франции в связи с тем, что разгром германо-итальянского фашизма означал одновременно и удар по крайним реакционерам и колониалистам во Франции, которые сотрудничали с фашистами. Но к концу 40-х годов общая ситуация в Марокко изменилась и характеризовалась

попытками французского империализма остановить начавшийся распад колониальной системы. Именно такой попыткой и явилось свержение в августе 1953 г. султана Мухаммеда Бен Юсуфа, отразившее нежелание колониалистских кругов Франции пойти на компромисс даже с умеренно-консервативным крылом национально-освободительного движения. Начавшееся вследствие этого движение национального сопротивления привело к краху режима протектората и возвращению в страну в ноябре 1955 г. законного султана. В ходе дальнейших переговоров Франция вынуждена была признать 2 марта 1956 г. независимость Марокко.

Вместе с тем, в диссертации показано, что решения дипломатических и военных проблем Марокко во многом добивалось главным образом путем уступок в экономической, политической и иных сферах, так как молодому независимому государству противостояли не просто превосходящие его во всех отношениях развитые капиталистические державы, а своего рода блок, единая политика, "коллективный колониализм" этих держав.

В третьей главе — "Основные направления социальных преобразований" — прежде всего характеризуется социальный облик Марокко накануне достижения независимости (1956 г.). Вместе с тем сочетать прошлое и настоящее, традиции и современность в такой стране, как Марокко, невозможно без решающей роли государства. Поэтому в главе особое внимание уделено выявлению двойственной роли государства, одновременно преобразующего традиционные структуры и способствующего (иногда косвенно) их сохранению; прослеживается процесс роста национального капитализма и "марокканизации" экономики, показаны изменения, происшедшие в аграрных отношениях независимого Марокко.

Касаясь основы экономики страны — сельского хозяйства, отмечается, что в нем было занято подавляющее большинство

населения и поэтому в аграрной сфере социальные контрасты были наиболее показательны. Известно, что удельный вес европейцев в населении Марокко достигал 6-7%. Примерно 6 тыс. европейцев принадлежали 1 млн. га лучших земель, 90% которых приходилось на 2 тыс. крупнейших хозяйств. На их фоне ярко выделялась нищета основной массы марокканских крестьян, 60% которых не имели земли вообще. К середине 50-х годов около 1,8 млн. га, т.е. почти четверть всех обрабатываемых площадей, принадлежали примерно 7,5 тыс. владельцам, из которых не менее 3,5 тыс. были пашами, кайдами и шейхами.

Прежде всего из их среды формировались и крупная буржуазия, так как они были более богатыми и влиятельными людьми, нежели торгово-ремесленные круги города. Они были также тесно связаны с администрацией протектората, а иногда и напрямую с колониальной буржуазией иностранного происхождения.

Слабость позиций марокканской буржуазии и второстепенность ее роли в экономике не означали вообще ее отсутствия как класса в социальной структуре Марокко эпохи протектората. Например, было велико финансовое могущество представителей группы "фаси", которые, установив контроль над немалой частью внутренней торговли, а также импорта страны, над ремеслами, сферой услуг и доходами от свободных профессий (из их среды вышло немало врачей, юристов, журналистов, литераторов), фактически действовали по всей стране. Не говоря уже о районе Феса, они приобрели значительный удельный вес в экономической жизни Рабата, Касабланки, Танжера, Марракеша, Сале, Тетуана, Мекнеса.

В этих городах, как и в других, имелась также прослойка средней буржуазии, владевшей мелкими кустарными промыслами, лавками, магазинами, кафе, ателье, ремонтными и прочими мас-

терскими. В начале 50-х годов стала заметна во всех городах деятельность коммерсантов из берберов-плехов, впоследствии получивших название "суси".

Некоторые авторы (социологи США и Англии) относят к "среднему классу" даже мелкую буржуазию. На самом деле "средний класс" — это интеллигенция и служащие, т.е. обладатели образования, но не собственности. Доходы марокканских чиновников и служащих в общей сложности составляли к концу режима протектората 13 млрд. фр. в год. По нашему мнению, можно вести речь о буржуазности лишь верхушки бюрократии и о связи основной массы чиновничества и служащих с мелкой буржуазией, но не об органичной их мелкобуржуазности. Пожалуй, чиновничество ближе всего к интеллигенции (особенно научно-технической и служилой) и вместе с нею (а также с офицерством и студенчеством) образует новые средние слои. Поэтому социальная характеристика чиновничества во многом идентична таковой единого комплекса новых средних слоев тысячами нитей связанных (особенно по размерам дохода и социальной психологии) с мелкой буржуазией.

В ее состав органично входили ремесленники (в 1949 г. их было 157 тыс. человек), а по переписи 1952 г. их осталось не более 125 тыс. Конкуренция фабричных товаров привела к разорению и исчезновению в период протектората целых корпораций традиционных ремесел.

Разорвавшиеся ремесленники и переселявшиеся в город крестьяне пополняли ряды рабочего класса, численность которого составила в середине 50-х г. 400 тыс. человек. Сокращение численности рабочих произошло после 1956 г. вследствие отъезда рабочих-европейцев и ликвидации европейцами своих фабрик

и заводов. Однако в дальнейшем численность марокканского пролетариата неуклонно росла, как и его классовое самосознание и степень организованности. Подробно излагая особенности рабочего класса Марокко, сближающих его с мелкобуржуазно-крестьянской и вообще непролетарской средой, диссертант отмечает и причины, которые определили довольно долгое несоединение марксизма с рабочим движением, в рядах которого сильны до сих пор национализм, религиозность и анархизм.

Проследивая процесс преобразования традиционных структур, т.е. "деформированных укладов" прошлого, диссертант затрагивает весь "социальный ансамбль", неразрывную связь с прочими его составными элементами, прежде всего с неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИМИ формами иностранного капитализма.

Рассмотрению берберского вопроса и проблемы племен уделяется значительное внимание, ибо на их примере наиболее четко выступает взаимосвязь традиционного наследия с насущными социальными, экономическими, кадровыми, политическими, административными и культурными аспектами современной жизни Марокко.

Анализ социально-экономического положения страны в 60-х — 70-х годах позволяет сделать следующий вывод: "марокканизация" основных отраслей, находившихся до тех пор под иностранным контролем, означала установление контроля государства или государственных учреждений над промышленностью и торговлей (эта мера сопровождалась национализацией земель, находившихся в колониальный период в частных руках, а затем в ведении местной администрации). Одновременно государство в лице короля становилось ведущим предпринимателем, что позволяло контролировать все центры, где принимались решения. Фактически король и верхушка бюрократии воплощает "госпредприниматель-

ство". Наряду с производственной деятельностью, это предприятие во многом посвящено коррупции, казнокрадству, жульничеству, воровству, и взяточничеству, а также - выколачиванию все новых и новых преимуществ за счет госказны.

В главе четвертой содержится критический анализ роста социальной напряженности; рассмотрены меры правительства, принятые им с целью ликвидации социальных противоречий; характеризуются некоторые демографические проблемы.

Социально-экономическая политика правительства Марокко имела во многом целью смягчение социальных противоречий и достижение выгодного для правящих классов баланса общественных сил.

Начало 1978 г. ознаменовалось обострением внутривнутриполитического положения. Одновременно усиливались и экономические трудности. Все это явилось причиной развития в первом полугодии 1978 г. мощной волны забастовочного движения, охватившее все отрасли хозяйства. Жизнь все более и более дорожала.

Статистика забастовочного движения в середине 70-х годов свидетельствует о том, что король не мог добиться "социального перемирия" в результате "зеленого марша" 1975 г. в Западную Сахару. Общая социальная ситуация оставалась напряженной и к концу 70-х годов. Обширная программа промышленного строительства, осуществлявшаяся с большим напряжением сил, была не завершена.

В связи с осуществлением правительством политики жесткой экономии задача самообеспечения страны продуктами питания становилась все более актуальной. Однако правительственные меры по стимулированию сельскохозяйственного производства не приносили ощутимых результатов. Положение в сельском хо-

зяйстве полностью диктовалось погодными условиями. Техническая оснащенность сельского хозяйства оставалась слабая. Потребность страны в тракторах оценивалась в 50 тыс. шт. На деле в стране их насчитывалось только 22 тыс.

В аграрном секторе пропасть между традиционными и современными методами производства, а также между старыми и новыми социальными отношениями особенно глубока. Лишь около 20% хозяйств, имеющих тракторы, удобрения или водяные насосы и производящих продукцию как для внутреннего, так и для внешнего рынка, можно отнести к современному сектору. Примерно 80% крестьян заняты в секторе традиционного сельского хозяйства, т.е. работают по старинке, в основном сами потребляют продукцию, которую дает им земледелие и животноводство.

Демографическая статистика показывает, что за счет притока жителей из деревни в города армия безработных, которая уже сейчас превышает 1 млн. человек, будет постоянно расти.

Тяжелое экономическое положение Марокко было вызвано неспособностью правительства справиться с растущими трудностями, однобокой ориентации на капиталистический Запад. Правительство стремилось возложить бремя своей пагубной экономической политики на плечи трудящихся масс, решать сложные проблемы страны за счет интересов, не покушаясь на прибыли крупного капитала. Не только оппозиции, но и любому объективному наблюдателю было ясно, что если состояние экономики помешает численному улучшению в социальной области, то правительству придется вновь призывать к жертвам во имя национальных интересов. С этими тревожными предчувствиями марокканцы встретили 80-е годы.

В пятой главе - "Современный этап развития и его перс-

пективы" - выявлены причины ухудшения экономического положения трудящихся, показана роль армии и общественно-политической жизни общества и ее взаимоотношения с королевским домом, исследованы социально-экономическое положение в начале 80-х годов, а также внешние связи страны.

Отмечается, что на социальное развитие независимого Марокко постоянно влияла оговоренная в совместном франко-марокканском заявлении 1956 г. "взаимозависимость" королевства и бывшей метрополии. Поэтому не могло не сказаться на этом развитии и вступление Франции в 1967 г. в "Общий рынок".

На основе анализа официальных статистических данных и материалов марокканской и европейской периодической печати диссертант приходит к тому заключению, что несмотря на поглощение избытка марокканской рабочей силы, к началу 80-х годов число безработных, по сравнению с 1972 годом, увеличилось до 1 млн. человек, т.е. почти в 3 раза.

Исследуя такую острую социальную проблему как миграция рабочей силы, диссертант констатирует, что наибольший размах она приобрела за последние 35-40 лет. Непрерывный поток мигрантов из Северной Африки, в том числе из Марокко во Францию (а также в Бельгию, Испанию, ФРГ) и обратно стал связующим звеном между странами Магриба и Францией. Как свидетельствуют факты, ныне в потоке мигрантов немало учащихся стажеров, политических эмигрантов, деятелей культуры. На основу составляют все же трудовые мигранты, которых французские и другие предприниматели нанимают последними (за исключением тяжелой, грязной или опасной работы), а увольняют первыми, когда встает вопрос о сокращении производства или реконструкции предприятия. Согласно приведенным подсчетам в конце 70-х годов в стра-

нах Западной Европы насчитывалось свыше 650 тыс. марокканских рабочих и ежегодно число марокканцев, ищущих работу, увеличивается на 30 тыс.

Таким образом, после вступления Франции в "Общий рынок" "страны девятки" были основной сферой приложения труда для значительной части марокканских трудящихся, постоянно мигрирующих в страны ЕЭС. Это не могло не сказаться отрицательно на социальное развитие страны.

В результате антисоциальной политики, проводимой в течение десятилетий блоком правительства и предпринимателей и без того бедственное положение марокканского пролетариата еще более осложнилось. Быстрыми темпами ухудшилось положение городских низших слоев (мелких ремесленников, розничных торговцев, поденщиков, безработных), особенно недавних пришельцев из деревни, не сумевших найти себе в городе занятие. Тяготы трудящихся усугубляются налоговой политикой государства, которая воздействует на заработную плату и цены на товары широкого потребления при помощи косвенных налогов.

В независимом Марокко заметные сдвиги произошли не только в сфере экономики, но и в социальной роли монархии. Социальное равновесие марокканского общества издавна зиждилось на двух китах - монархии и вооруженных силах. Марокканская армия, возникнув в 1956 г., стала опорой престола. И хотя король Хасан II всегда заявляет, что армия должна стоять "вне политики", она неизменно играла явно политическую роль, охраняя трон. В 60-х годах армия, главная организованная сила страны, внушала страх политическим партиям, которые боялись военного путча и предпочитали терпеть ограничения в рамках монархии. В свою очередь, монарх, чувствуя себя хозяином по-

ложения, оставлял им ровно столько свободы, сколько ему хотелось. Однако в 70-х годах положение постепенно меняется. Армия, дважды подвергнутая чистке (в 1971-1972 гг.), явно утрачивает (по крайней мере с конца 70-х годов) свою роль политической силы, уступая ее королевскому двору и партиям.

Еще в 70-е годы правящие круги страны разработали политику смягчения социальных противоречий, цель которой состояла в том, чтобы не допустить общественно-политического взрыва в стране. Сначала главный упор делался на пропаганду "исламского социализма", который, по мысли лично пропагандировавшего его короля Хасана II, должен был представлять собой своего рода вариант "третьего пути", несовместимого ни с капитализмом, ни с коммунизмом. Но в 1977 г. основным механизмом политического контроля над жизнью общества стал официально провозглашенный королем "демократический процесс", т.е. диалог правительства с политическими партиями независимо от их ориентации.

На характере социального развития Марокко сказываются также внешнеэкономические и политические связи королевства. Главенствующую роль в них по-прежнему играет Франция.

В заключении дано обобщение результатов анализа эволюции социального развития независимого Марокко, и сделаны следующие основные выводы:

Социальное развитие независимого Марокко является логическим продолжением и следствием предшествующих этапов исторической эволюции этой страны. Результаты этих этапов, их своего рода родимые пятна хорошо видны и сейчас, что объясняется особым сочетанием в сегодняшнем Марокко традиций и современности.

Марокканское общество можно определить как развивающееся

и переходное, т.е. находящееся в процессе эволюции от одной формации к другой, в данном случае от феодализма к капитализму. Разумеется, этим не исчерпывается его переходный характер, ибо феодализм и капитализм сами по себе представлены в Марокко весьма дробно, различными укладами и типами социальных связей. Кроме того, существуют и другие уклады, которые либо подвергаются радикальной трансформации в ходе социального развития (например, натурально-патриархальный уклад общинного крестьянства или кочевых племен), либо сами воплощают стадию перехода от традиционного хозяйствования к современному. Таков, в частности, мелкотоварный уклад, символизирующий разложение общинного хозяйства с выделением из него самостоятельных производителей, работающих на рынок и втянутых (или втягивающихся) в товарно-денежные отношения.

В любом случае интеграция полунатуральных мелких хозяйств в рыночный механизм, их "модернизация", неважно-добровольная или вынужденная, встречает сильнейшее сопротивление традиционных общественных структур, обычаев, привычек, нравов и догм.

В условиях Марокко "ретродифференциация" нашла выражение и в том, что новое часто проявляло себя не столько вопреки старому, сколько принимая его форму, подделяваясь под него. Обилие этнических, лингвистических, земляческих и прочих градиаций среди населения Марокко позволяло почти любой конфликт современного характера (например, соперничество различных групп феодалов, или буржуазии, или чиновников) превращать в столкновение представителей различных этнических или земляческих общин, племен, кланов, больших традиционных семей. При этом речь идет не только о национально-этнических или патриархально-общинных реликтах, но и о переходном, смешанном ха-

характере наследия социальных традиций. Например, племенной патриотизм, клановость, семейственность, земляческие и местнические привязанности всегда были свойственны марокканским феодалам, особенно берберским. Поэтому феодальное наследие в социальной жизни современного Марокко неотделимо от наследия патриархального и от всей системы кровнородственных связей, характерных для родо-племенного уклада.

Консервации традиционного наследия в определенной мере способствует и сама форма обретения страной независимости "в рамках взаимозависимости". Отсталость и традиционность марокканского общества прямо связаны с заинтересованностью неоколониалистов в сохранении слаборазвитости Марокко. Помимо этой субъективной заинтересованности неоколониализм объективно консервирует отсталость Марокко путем эксплуатации и ограбления этой страны, лишения ее средств, необходимых для решения острых социальных проблем хотя бы в рамках буржуазной "модернизации". Но даже этого не происходит. Вернее, "модернизация" такого рода осуществляется лишь частично. Очаговый ее характер не ликвидирует, а лишь подчеркивает общую отсталость страны.

Роль государства в Марокко в первые годы независимого существования определялась прежде всего значительным объемом политических, экономических и социальных задач, которые необходимо было решить после ухода колонизаторов, а также высоким авторитетом, который завоевал в годы борьбы за независимость султан Мухаммед Бен Юсуф. Огромное значение имел традиционный престиж султана как религиозного главы (имама) мусульман Марокко, как шерифа (т.е. потомка пророка Мухамеда) и как главного символа величия "шерифской империи", хранителя незыблемости марокканской государственности.

Этот феномен политического традиционализма, с исключительной силой проявившийся в Марокко, в той или иной мере свойственен и другим освободившимся государствам Азии и Африки. В основном как "активизацию традиций" следует рассматривать в независимом Марокко и всевластие монарха, постепенно создававшееся Мухаммедом У и доведенное до совершенства его преемником Хасаном П. Одна из главных причин подобной "активизации традиций" заключается в том, что вообще становление социально-политической системы независимого Марокко происходило в условиях внутренней территориально-хозяйственной и регионально-этнической дробности. Сохранение этой дробности на протяжении первых десятилетий самостоятельного существования королевства во многом способствовало консервации политических учреждений, возникших либо вследствие этой дробности, либо в противовес ей. В частности, социальная роль монархии в обстоятельствах конца 50-х - начала 70-х годов преимущественно зиждилась на объединяющей, сплачивающей всех марокканцев функции короля-имама.

Немалую роль сыграла и умелая трансформация марокканской монархии из преимущественного феодальной и главным образом буржуазную. К началу 70-х годов относится формирование современного марокканского правящего класса, под которым следует понимать правящую коалицию из крупных землевладельцев, высших чиновников, технократов, и особенно представителей деловой буржуазии и свободных профессий из Рабата, Касабланки, Марракеша.

Став буржуазной (в основном, но не полностью), монархия в Марокко не перестала играть роль координатора, интегратора и унификатора пестрого, многоукладного и многоликого в социальном отношении общества.

Вместе с тем на формационное развитие таких стран, как Ма-

роко сильно влияют глубокие и неразрешимые противоречия мирового капитализма, активно воздействующего через неоконилистские механизмы на внутреннюю эволюцию молодых государств.

Ввиду сложного переплетения перечисленных выше факторов, определяющих социально-экономическое и общественно-политическое развитие Марокко как типичного представителя освободившихся государств афро-азиатского мира, возникают дополнительные стимулы усиления монархии. Во-первых, ее координирующая и интегрирующая роль распространяется не только на взаимодействие национальных и социальных сил внутри марокканского общества. Она охватывает и весьма неоднозначные отношения этих сил с внешними социальными силами, т.е. местным иностранным капиталом, с ударными силами империализма — могущественными ТНК, нередко действующими и через голову местного иностранного капитала, и через голову национального правительства. Во-вторых, для многих компонентов марокканского общества, прежде всего для буржуазии, феодалов, бюрократии, технократии и части средних слоев, монархия — естественный защитник от иностранного засилья, от конкуренции иноземной буржуазии и агрессивного неоконилизма ТНК. А это обстоятельство вновь заставляет вспомнить о традиционном патриотизме султанов Дальнего Магриба, о "золотом веке" магрибинских династий султанов средневековья и былом их могуществе.

В сочетании с остротой территориального вопроса в современном Марокко и трудностями в решении западносахарской проблемы монархические традиции являются мощным источником питания национализма, находящего благоприятную почву не только в буржуазно-феодалных и мелкобуржуазных чиновничьих кругах, но и среди значительной части крестьянства,

интеллигенции, даже рабочего класса. Национализм служит также довольно эффективным средством нейтрализации (хотя и временной) недовольства городских и сельских низов, пауперов и лжпенгов. Правда, последние с конца 70-х годов больше склоняются к исламизму (так же как часть интеллигенции и студентства — к левозкстремизму), но и национализму они не чужды.

Особенности социального облика современного Марокко, разумеется, не сводятся к богатству традиций и кажущейся непреодолимости их влияния. Развитие Марокко, как и всякого государства, прежде всего определяет современность, т.е. современные нужды и потребности, современные формы жизни и организации производства, современные взгляды и представления. Разумеется, речь идет о современности марокканской, в которой новейшие общественные отношения тесно сплетены с традиционными. В Марокко мы имеем сегодня дело чаще всего с полутрадиционными структурами, в которых элементы архаичного вплетены в ткань современных буржуазных отношений, главное — подчинены им. И хотя национальный капитализм гораздо сильнее представлен в Марокко государственным и смешанным сектором и неоконилистским бизнесом, нежели развитым частным предпринимательством в производственных сферах, все же он растет, развивается и постепенно вытесняет, крушит все традиционное, надевая при этом иногда маску традиционности.

В рамках этого неоднородного, сложно интегрированного (еще не везде и не до конца) и пестрого общества растут силы социального прогресса — рабочий класс, служащие, интеллигенция, демократические устремления которых встре-

чают поддержку прогрессивных сил всего мира. За ними – будущее. Но это будущее определяется сегодняшней борьбой Марокко за подлинную национальную независимость, за экономическое и социальное освобождение.

Основные научные положения, содержащиеся в представленной к защите монографии – "Социальное развитие независимого Марокко. Традиции и современность". М., "Наука", 1988 (17 п.л.) – отражены также в следующих работах соискателя:

1. Роль берберской элиты в политической жизни современного Марокко. Известия АН Грузинской ССР, серия истории, археологии и этнографии и истории искусства", "Мацне", 1980, № 4, на груз.яз. (резюме на русском), 1 п.л.

2. Экономика современного Марокко. "Экономисты", ежемесячный политико-экономический журнал ЦК Компартии Грузии, Тбилиси, 1980, № II (на груз.яз), 0,5 п.л.

3. Политическая борьба в Марокко в первые годы независимости. "История и экономика стран Ближнего Востока и Северной Африки", М., ГРВИ, Издательство "Наука", 1981, 1 п.л.

4. Социальная организация берберских племен в Марокко в период французского протектората. Известия АН Грузинской ССР, Серия истории, этнографии и истории искусства. "Мацне", 1982, № 3, на груз.яз. (резюме на русском), 1 п.л.

5. Социальный состав современного марокканского общества и берберы. Труды Тбилисского университета. Тб., 1983, т. 243, 1 п.л.

6. Сдвиги в обществе и хозяйстве туарегов Алжира. "Народы Азии и Африки", М., 1983, № 6, 0,5 п.л.

7. Берберы в общественно-политической жизни современного

Алжира. Известия АН Грузинской ССР, серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. "Мацне", 1984, № 3, на груз.яз. (резюме на русском яз.).

8. Арабо-берберские отношения в современной западной буржуазной историографии. "Актуальные вопросы историографии Востока нового и новейшего времени. Про лемы национально-освободительного движения в странах Азии и Африки в советской и зарубежной историографии 50-80-х годов XX века". Тезисы (Звенигород, 16-20 декабря), "Наука", 1985, 0,5 п.л.

9. К вопросу о берберском партикуляризме в современном Марокко, "Закономерности и специфика развития процесса в освободившихся странах Азии и Африки" (сборник материалов). "Наука", М., 1985, 0,5 п.л.

10. Старое и новое в обществе мозабитов Алжира. "Советская этнография". М., 1985, № 5, 0,8 п.л.

11. Берберы в общественно-политической жизни Марокко (50-70-е годы XX в.). "Наука", 1985, 9 п.л.

12. Берберы. "Азия и Африка сегодня". М., 1985, № 9, 0,5 п.л.

Эта же статья на английском языке в "Asia and Africa today", March-April, N 2, 1986, сс.79-83.

Эта же статья на французском языке в *Asie et Afrique aujourd'hui*, Moscou, Mars-Avril, 1986, N 2, сс.79-83.

13. Социально-экономическое преобразование в современном Алжире. Труды Тбилисского университета. Тбилиси, № 266, 1986, на груз.яз. (резюме на русском), 1 п.л.

14. Кабилы: образ жизни, обычаи, нравы. "Советская этнография". М., 1987, № 1, 1 п.л.

15. Религия и общественно-политическое развитие стран современного Магриба (Алжир, Марокко, Тунис). Актуальные проблемы истории стран Азии и Африки. Издательство Тбилисского университета. Тб., 1988, на груз.яз., 2 п.л. (находится в печати).

16. Французская буржуазная историография о берберской политике Франции. "Магне" (серия истории), Тбилиси, 1988, № 2, на груз.яз. (резюме на русском яз.), 1 п.л.

17. К этносоциальной характеристике ИРМ (Исламская республика Мавритания). "Народы Азии и Африки", 1988, № 1, 0,75 п.л.

18. The Role of Berbers in the Social and Political Life in Marocco today. Paper Presented at the 32-nd International congress for Asian and North African Studies (Hamburg, 1986, Nauka Publishers, Moscow, 1986, 0,75 п.л.

19. Внутренние и внешнеполитические проблемы Марокко на рубеже 70-80-х годов. Труды Тбилисского университета. Тб., 1988.

Общий объем опубликованных автором работ по теме диссертации составляет около 40 п.л., а общий объем печатных научных трудов (их около 35) - около 50 п.л.

Монография автора "Социальное развитие независимого Марокко" (М., 1988) получила положительный отклик в рецензиях, опубликованных в журналах "Азия и Африка сегодня" (1988 г., № 9), а также в республиканской газете "Заря Востока" (10.09.1988 г.).

З. Ментецашвили

Печатных л. 3

Учетно-издат.л. 2,02

Бесплатно

Заказ 4288

Тираж 100

Типография Тбилисского университета,
380028, Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе, 1.